

II.

Поученіе

въ день святой Великомученицы Варвары.

Среди безпредѣльнаго океана всемірной литературы затерялась одна небольшая ея часть. Многіе, многіе забыли о ней, а иные даже и не подозрѣваютъ о ея существованіи. А, между тѣмъ эта забытая часть литературы когда-то была почти единственнымъ источникомъ литературнаго просвѣщенія: изъ нея узнавали наши дальніе предки исторію различныхъ государствъ, различные обычаи и нравы чужихъ странъ; изъ нея узнавали высокія истины христіанской вѣры; въ ней находили примѣры мужества и доблести для подражанія. Какіе мудрецы, какіе идеалисты говорятъ намъ со страницъ этой забытой литературы. Какіе величественныя образы, какіе примѣры самоотверженности, какіе твердые, непоколебимые характеры изображены въ ней! Какимъ величіемъ духа, какой ясностью, какимъ спокойствіемъ души вѣетъ на насъ отъ этихъ героевъ. Какая опредѣлен-

ность у нихъ въ постановкѣ цѣлей, какое неуклонное стремленіе къ достиженію ихъ. Типы классическихкихъ грековъ и римлянъ не могутъ спорить съ героями этой литературы. Вѣдь въ сказаніяхъ о первыхъ повѣствуется обыкновенно о побѣдахъ надъ врагами, о торжествѣхъ надъ неприятелими, о доблести военачальниковъ, о мужествѣ воиновъ,—а эта забытая литература изображаетъ самыя мирныя брани за миръ души, описываетъ мужество сражавшихся больше за истину, чѣмъ за отечество, больше за благочестіе, чѣмъ за присяжныхъ (по Евсевію Пам. Церк. ист. кн. 5, предисловіе).

Эта забытая литература—Житія святыхъ.

„Житія святыхъ?“ изумятся многіе,—„стоитъ-ли говорить этой вещи? Кто-же теперь можетъ заниматься ими? То, что изображается въ нихъ,—такъ далеко отъ современной дѣйствительности. Для взрослыхъ они смѣшны, а для дѣтей эти Житія съ ихъ необузданной фантазіей, съ ихъ превратнымъ изображеніемъ жизни, положительно спасны; вѣдь они отрицаютъ въ сущности жизнь, начитавшійся ихъ ребенокъ начинаетъ грезить. Богъ знаетъ о чемъ,—о пустыняхъ, о подвигахъ, о мученичествѣхъ; нѣтъ, сказка, художественная сказка, и даже народная сказка, несомнѣнно, гораздо благотворнѣе для ума ребенка“.

Такія возраженія приходится обыкновенно слушать противъ чтенія Житій святыхъ. Но да позволено будетъ спросить у тѣхъ, кто такъ думаетъ: „Другъ, читали-ли вы, по крайней мѣрѣ, хотя житіе того святого, чье имя вы носите?“ Едвали многіе отвѣтятъ на этотъ вопросъ утвердительно. Откуда же тогда такое возраженіе противъ Житій святыхъ? А по наслышкѣ. Гдѣ-то услышали, откуда-то вычитали, и, не познакомившись поближе съ ними, давай повторять чужія слова. Да какъ и познакомиться съ ними въ наше время? Возьми-ка въ руки какое-либо житіе святого, непременно засмѣютъ. Держать у себя открыто новѣйшую книгу, которую неловко чи-

тять вслухъ своимъ родителямъ или дѣтямъ,—это передовое направленіе. А положить на столъ житіе своего святого,—но вѣдь это отсталость! Какъ, однако, мы не самостоятельны, какъ мы привыкли прислушиваться, что скажутъ!..

Но послушаемъ, что скажетъ намъ житіе св. Великомученицы Варвары. Сегодня многія изъ русскихъ женщинъ услышатъ привѣтствіе: „со днемъ Ангела“! По многіе-ли изъ поздравляемыхъ и поздравляющихъ знаютъ хоть что—нибудъ объ этомъ воистину ангелѣ во плоти?

Житіе св. Великомученицы Варвары со стороны его достовѣрности не должно вызывать никакого сомнѣнія. Оно составлено св. Іоанномъ Дамаскинымъ (673—777). Дополнилъ его и сдѣлалъ къ нему нѣкоторыя замѣчанія Метафрастъ (около 940—976). Кто знаетъ этихъ высокособразованныхъ, авторитетныхъ мужей, тотъ не заподозритъ и житія св. Великомученицы Варвары. Часто вѣдь говорятъ, что и составлены-то житія невѣжественными лицами.

Это было при послѣдней агоніи языческаго міра, почти предъ объявленіемъ христіанства господствующей религіей. Въ царствованіе Максиміана въ богатомъ Финикійскомъ городѣ Геліополѣ (Иліополѣ) жилъ знатный мужъ, по имени Діоскоръ. Онъ рано овдовѣлъ и его единственнымъ утѣшеніемъ послѣ смерти жены осталась юная дочь Варвара. Эта единственная дочь Діоскора была для него дороже всего; онъ видѣлъ въ ней все—и богатство, и славу, и честь. Грекъ по происхожденію, язычникъ по вѣрѣ, онъ хранилъ свою дочь въ роскошныхъ, специально для нея устроенныхъ палатахъ. Онъ сдѣлалъ все, чтобы оградить ее отъ всякаго дурного вліянія, и совершенно неожиданно для себя приготовилъ ее такимъ образомъ въ невѣсты Христу.

Грубая по имени, какое на самомъ дѣлѣ нѣжное сердце, свѣтлый умъ таила въ своемъ характерѣ Варвара.

Живя среди довольства, нѣги, ничѣмъ не занятая, отъ всего изолированная, только смутно догадывающаяся, что есть гдѣ-то какая-то жизнь, т. е. поставленная въ такія условія, при которыхъ легко сдѣлаться полоумнымъ идиотомъ, жестокимъ, безсердечнымъ человѣкомъ, св. Варвара сумѣла найти себѣ занятіе въ изученіи тѣхъ повседневныхъ явленій природы, которыя она могла наблюдать изъ окна своей богатой тюрьмы. Она любовалась роскошнымъ видомъ окрестности, она приходила въ восторгъ отъ ясной лазури неба, она изумлялась солнцу и лунѣ, она поражалась величіемъ и красотой всего того, мимо чего мы проходимъ совершенно равнодушно. „Чья рука создала всю эту красоту?“ спрашивала она окружающихъ своихъ воспитательницъ и рабынь. Отвѣты окружающихъ язычницъ не удовлетворяли ее. „Вѣрно есть существо высшее, чѣмъ наши боги, Всесильный, Истинный Богъ; вѣрно есть одинъ Богъ, Который все содержитъ, все оживляетъ и всемъ управляетъ!“ Размышляла св. Варвара. И вотъ, та бездушная природа, которую человѣкъ всеми силами старается подчинить себѣ, явила Варварѣ Живого Бога.

Когда Варвара достигла брачнаго возраста, множество знатныхъ и богатыхъ жениховъ стали искать ея руки. Но что цѣнили эти женихи? Нужна-ли имъ была красота ея души, нужно-ли имъ было ея внутреннее душевное богатство? Нѣтъ. Объ этомъ они, можетъ быть, и не знали. Во всякомъ случаѣ, конечно, не этимъ интересовались. Но все слышали о ея тѣлесной красотѣ, все знали, что она была единственная наследница богатства ея отца Діоскора. Не зная міра и его удовольствій, св. Варвара рѣшительно отвергла все домогательства жениховъ, чѣмъ глубоко огорченъ былъ ея отецъ. Чтобы склонить дочь къ браку, Діоскоръ рѣшилъ выпустить ее изъ темницы и предоставить ей полную свободу во всемъ. Онъ рассчитывалъ, что, познакомившись съ жизнью, его дочь скорѣе сама найдетъ себѣ жениха.

Сдѣлавъ воспитательницамъ св. Варвары распоряженія въ этомъ родѣ, Дюсдоръ отправился въ предстоявшее ему дѣловое путешествіе.

Живая, любознательная, съ пытливыми запросами вступила Варвара въ огромный, почти неизвѣстный ей Божій міръ. То, что раньше было извѣстно ей только изъ окна, встало теперь передъ ней лицомъ къ лицу. И въ этомъ огромномъ мірѣ она нашла себѣ Жениха! Эта мудрая дѣва не загасила своего свѣтильника, понавѣ изъ затвора въ круговоротъ шумной восточной, городской жизни.

Удивленіе предъ окружающимъ нарастало все больше и больше, вопросы ея все настойчивѣй и настойчивѣй требовали себѣ отвѣта. И вотъ, среди новыхъ людей встрѣтились св. Варварѣ христіане. Они открыли ей истину о Томъ, Кого она искала веѣмъ своимъ сердцемъ; повѣдали, Кто Тотъ, Кому она въ тиши своего уединенія уже поклонялась какъ „Невѣдомому, но для сердца близко-му Богу“. Св. Варвара тайно приняла св. крещеніе. Наконецъ, нашла св. Варвара отвѣтъ своимъ пытливымъ запросамъ. Тайна міра раскрылась ей въ тайнѣ Тріеди-наго Бога. И это откровеніе стало единственнымъ двигателемъ для всей послѣдующей жизни св. Варвары.

Одно внѣшнее обстоятельство послужило для св. Варвары поводомъ къ объявленію себя христіанкой. Отецъ ея предъ отъѣздомъ началъ постройку роскошной бани. По его плану освѣщаться эта баня должна была двумя окнами, въ честь двухъ небесныхъ источниковъ свѣта: солнца и луны. Однажды на эту постройку пришла св. Варвара. Узнавъ отъ строителей, что они дѣлають, св. Варвара сразу поняла мысль своего отца о символѣ двухъ оконъ. Сънастойчивостью, не встрѣчавшей раньше себѣ ни въ чемъ отказа, она заставила строителей замѣнить два окна въ банѣ тремя окнами въ честь св. Троицы.

Какимъ тяжкимъ гнѣвомъ обрушился деспотичный Діоскоръ, по возвращеніи изъ путешествія, на строителей за варушеніе его распоряженій. Но всю тяжесть его гнѣва спокойно приняла на себя св. Варвара. Съ твердостью она объяснила отцу символъ 3-хъ оконъ. Ужасу, негодованію Діоскора не было предѣла. Убѣжденный язычникъ принялъ все мѣры къ тому, чтобы заставить свою дочь отречься отъ Христа. Не пощадилъ ничего, ни слабости ея пола и возраста, ни дѣвичьей стыдливости. Неостижимо, какъ могла такъ рѣзко измѣниться прежняя такая, повидимому, горячая, странно—заботливая любовь ея отца на жестокое звѣрство. Но убѣжденія св. Варвары остались непоколебимыми. Развѣ можно отречься отъ своихъ убѣжденій? Можно отказаться отъ всего, но вырвать изъ сердца убѣжденія можно, замѣнивъ только ихъ новыми столь-же сильными убѣжденіями. Бываетъ, что физическія мученія заставляютъ отказаться отъ извѣстныхъ убѣжденій. Но это только формальное отреченіе, въ сущности-же убѣжденія всегда остаются неизмѣнными. Но св. Варвара была не изъ тѣхъ, которые хотя-бы только формально соглашались отречься отъ своихъ убѣжденій. Столь тщательно, такъ настойчиво искала св. Варвара сокровище истинной вѣры, и, найдя его, могла ли она продать это благо за какую бы то ни было высокую цѣну! Въ темницѣ, куда была ввержена св. мученица, явился ей Ея Небесный Женихъ и сказалъ ей: „Держай, невѣста Моя, и не бойся! Потерпи до конца и получишь вѣчныя блага въ Моемъ царствѣ“.

Послѣ нечеловѣческихъ пытокъ святая была приговорена къ смерти. Отецъ самъ исполнилъ обязанности палача. Вскорѣ и самъ онъ неожиданно умеръ (ок. 306 г.).

Христіане съ честью похоронили ея останки. Впоследствии они были перевезены въ Константинополь. А въ 1108 году ихъ принесла съ собою въ даръ российской церкви дочь Алексѣя Комнина, вышедшая замужъ за великаго Кіевского князя Михаила—Святополка II.

Князь Михаилъ построилъ въ Кіевѣ монастырь въ честь Архистратига Михаила, своего небеснаго покровителя, и въ немъ поставили нетлѣнные останки небесной покровительницы его жены Варвары Алексѣевны. Ея мощи у насъ въ Россіи, а развалины бани съ тремя окнами на ея родинѣ свидѣтельствуютъ намъ о истинности сообщаемого свв. Іоанномъ Дамаскинымъ и Симеономъ Метафрастомъ.

Какимъ укоромъ служить для насъ образъ св. Влк. Варвары! Гдѣ у насъ это сильное стремленіе къ свѣту? Гдѣ это исканіе высшей правды? Гдѣ это неизмѣнное служеніе обрѣтенной истинѣ? Гдѣ, наконецъ, хотя простое, вдумчивое отношеніе къ окружающей дѣйствительности?

Скажутъ, теперь не тѣ времена и не такія условія жизни. Характеры вырабатываются при извѣстныхъ вѣшнихъ обстоятельствахъ. Но кто-же это тотъ, который создаетъ обстоятельства нашей жизни? Не человекъ-ли самъ! Да и чѣмъ являются теперь иныя обстоятельства? Теперь, скажете, нѣтъ гоненія на вѣру? Но возьмемъ въ руки Житія святыхъ... Не тотчасъ ли мы услышимъ отъ перваго же знакомаго нашего, заглянувшаго въ нашу книгу, язвительное, полунасмѣшливое, полупрезрительное: „вотъ какимъ спасительнымъ дѣломъ вы занимаетесь“!..

Что заключаетъ въ себѣ эта фраза, которую, безъ сомнѣнія, очень многимъ изъ стоящихъ здѣсь приходилось слышать? Вѣдь это оскорбленіе нашихъ интимнѣйшихъ чувствъ, вѣдь это нравственная обида! Это ли не гоненіе! И чѣмъ оно лучше открытаго гоненія? Чѣмъ легче истязаніе души, сравнительно съ истязаніемъ тѣла? Что предпочтительнѣе, стоять-ли лицомъ къ лицу съ врагомъ и знать, что предъ нами врагъ, или вдругъ неожиданно въ лицѣ того, кого мы считаемъ другомъ, узнать врага нашихъ убѣжденій? Тяжесть гоненія на вѣру въ наше время нисколько не меньше гоненій начала христіанства. Для истинно-вѣрующаго, ищущаго во всемъ Живого Бога,

гоненія встрѣчаются на каждомъ шагу. Но только слишкомъ рѣдко встрѣчаются теперь эти чистые сердцемъ. И это, несомнѣнно, оттого, что въ наше время у людей нѣтъ тѣхъ положительныхъ образовъ, къ подражанію которымъ могло-бы стремиться общество. На какой литературѣ воспитываются въ наше время? Эта литература, вѣрная изобразительница современнаго общества, служитъ въ одно и то же время и обличеніемъ нашихъ пороковъ, и въ то же время образцомъ для подражанія. И на этихъ образцахъ воспитывается юное поколѣніе, и, увеличивая мѣру пороковъ своихъ предковъ, все ближе и ближе подходитъ къ конечной гибели.

А та сокровищница положительныхъ характеровъ, которая въ состояніи для всякаго возраста, пола, общественнаго и экономическаго состоянія дать цѣлый рядъ высокихъ примѣровъ для подражанія,—забыта.

А между тѣмъ, на этихъ примѣрахъ воспиталось множество праведниковъ; на этихъ образцахъ росли наши далекіе предки, и хотя они не всегда достигали ихъ, но идеалы ихъ, несомнѣнно, были высоки.

Въ послѣднее время явилось обыкновеніе въ подтвержденіе нѣкоторыхъ церковныхъ положеній приводить свидѣтельства отъ внѣшнихъ свидѣтелей, ибо сынамъ вѣка сего ихъ учителя и наставники ближе и понятнѣе и даже авторитетнѣе церковныхъ учителей. Поэтому, да позволено будетъ и намъ въ доказательство высокаго значенія для нравственнаго воспитанія Житій святыхъ привести свидѣтельство одного свѣтскаго писателя. Образъ этотъ,—извѣстно всѣмъ,—списанъ съ натуры, и, говорятъ, лицо послужившее для этого образа, живо и сейчасъ. Это образъ Лизы въ романѣ Тургенева „Дворянское гнѣздо. Кто станетъ отрицать высокую, чистую душу этой героини? А какъ она воспитывалась, гдѣ основаніе такого положительнаго типа? Тургеневъ объ этомъ свидѣтельствуется такъ: „Няня рассказывала ей не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ рассказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы,

житіе отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустынь, какъ спасались, голодь терпѣли и нужду,—и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались.... Лиза ее слушала—и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ благоговѣйнымъ страхомъ, а Христось становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ (35 гл.)“.

Вотъ къ этому-то, т. е. чтобы сродниться со Христомъ, нужно стремиться и намъ. Сродниться такъ, какъ сроднилась Лиза, какъ сроднилась св. Великомученица Варвара, какъ сроднились все святые. И средствомъ для этого можетъ служить подражаніе жизни святыхъ. Нужно, поэтому, изучать ихъ жизнь.

Отбросимте же все предразсудки о вредѣ чтенія Житій святыхъ, оставимъ безъ вниманія насмѣшки своихъ гонителей и потщимся подражать вѣрѣ и дѣламъ святыхъ угодниковъ Божіихъ.

Тебѣ-же, святая Обручница Небеснаго Жениха, мы своими грѣшными устами возопіимъ: „радуйся, Варвара, невѣсто Христова прекрасная (изъ Акаф. св.)“!

Священникъ Іоанникій Петровъ.